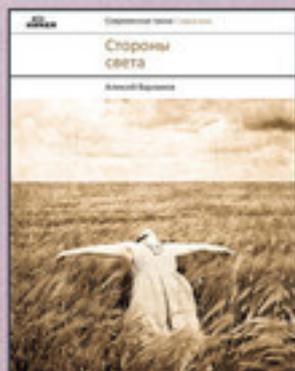

Алексей Варламов

Вот придет барин...

*Часть сборника
Стороны света (сборник)*

Алексей Варламов

Вот придет барин...

«Никея»

2011

Варламов А. Н.

Вот приедет барин... / А. Н. Варламов — «Никея», 2011

«По распределению я работал лаборантом на кафедре русского языка в техническом вузе и считался на этой кафедре таким же ненужным довеском, как сама она в институте. Но это меня нисколько не волновало. Уже несколько лет я чувствовал в себе иное призвание: мне хотелось стать журналистом, писать материалы, ездить в командировки и встречаться с разными людьми. Однажды я даже набрался смелости и позвонил в редакцию крупной московской газеты...»

© Варламов А. Н., 2011

© Никея, 2011

Алексей Николаевич Варламов

Вот приедет барин...

История ненаписанного очерка

Я вышел из университета в 1984 году и с тех пор не знал, куда мне себя деть. По распределению я работал лаборантом на кафедре русского языка в техническом вузе и считался на этой кафедре таким же ненужным довеском, как сама она в институте. Но это меня несколько не волновало. Уже несколько лет я чувствовал в себе иное призвание: мне хотелось стать журналистом, писать материалы, ездить в командировки и встречаться с разными людьми. Однажды я даже набрался смелости и позвонил в редакцию крупной московской газеты.

Трубку снял мужчина.

– Я... мм... – волнуясь, проговорил я, – хотел бы с вами сотрудничать, если вы не возра...

– Возражаю, – сказал мужчина и повесил трубку.

В другой редакции мне посоветовали самому найти тему, написать материал и принести его в газету – если материал будет интересным, то, вполне возможно, его напечатают.

Но я не знал, о чем писать. Я с тоской слонялся по огромному, то жаркому, то слякотному городу, задыхался от пыли и скопления людей и не видел ни одной, ни малейшей зацепки, с чего бы я мог начать свою журналистскую деятельность. В конце концов надо мной сжалилась моя тетушка и отрекомендовала меня своему знакомому Сергею Сергеевичу.

Строго говоря, мне очень не нравилось, что я попал именно в этот журнал. Это был, пожалуй, единственный журнал, с которым бы мне не хотелось иметь никакого дела. Я не был верующим и в церковь заходил только из любопытства послушать, как поют, и поглазеть на лица старух, но я не любил атеизма. Я всегда считал, что люди верующие совершеннее нас, что они видят и знают нечто такое, чего мы не знаем, и нет большего уродства, чем кичиться своим безверием. Я стал с тоской представлять, что сейчас выйдет какой-нибудь тип, как две капли воды похожий на нашего профессора атеизма Грушева с его глазами-пуговичками, однако ко мне подошел человек средних лет, с мягкими шелковистыми русыми волосами, небольшой аккуратной бородкой, в очках, с ласковыми внимательными глазами – и до полного сходства с батюшкой ему не доставало только рясы и наперсного креста.

– Петр? – обратился он ко мне.

Я оробело кивнул.

– Ради Бога, простите, что заставил вас так долго ждать.

– Ну-с, рассказывайте, – сказал он, когда мы уже сели. – Алина Георгиевна мне вас очень нахваливала.

– Да я, собственно, – замялся я, – лучше бы я вас послушал.

– А вы читали когда-нибудь наш журнал? – спросил Ковалев.

– Нет, – ответил я виновато и зачем-то добавил: – Его очень трудно купить.

Мой собеседник слегка улыбнулся.

– Мне кажется, – продолжал он вкрадчиво и не спуская с меня внимательного, испытующего взгляда, – что вас несколько смущает направление нашего журнала. Но не торопитесь с выводами. Мы уже давно отошли от огульного атеизма и стремимся к тому, чтобы наш журнал читался людьми верующими. Мы улаживаем их недоразумения с властями, разъясняем им их права, заступаемся за них, так что ничего предосудительного в нашей работе нет.

Боже мой, как мне было сладко слушать этого человека! Я устал на своей работе от теток, которые объездили полмира, обарахлились и рядились в тогу интеллигентности, но постоянно

говорили мне «ты», не стеснялись обсуждать при мне такие вещи, о которых, даже закончив женский факультет, я прежде понятия не имел.

Они меня в грош не ставили, посылали за пряниками и сигаретами, а я платил им за это халтурной работой, прогулами. Я был сам, конечно, во всем виноват, вел себя как школяр, но я не мог с собой ничего поделывать. Недаром так корила меня моя тетушка.

– Ты, мой милый, недоросль, – говорила она. – У тебя болезнь века – недорослизм.

– Мне не нравится это слово, – слабо возражал я в ответ. – Оно плохо состыковано: корень русский, а суффикс иностранный.

Тетушка, главной своей заслугой считавшая знание русского языка и народной жизни – она была этнолингвистом и ездила в экспедиции записывать старинные обряды и предания, – раздражалась бранью и говорила, что такие, как я, горе-филологи драконят язык, ставят всюду запреты и регламентации, указывают, как можно говорить и как нельзя. Сама же она стыдилась своего нерусского имени и себя называла Аленой Юрьевной (а я в пику громко декламировал – Алина, жальтесь надо мною), уснащала свою речь словечками типа «давеча», «нынче», «батюшки», «ой лихо мне» и была очень невысокого мнения о моей лингвистической компетентности. Представляю, что бы она сказала, узнай, что я хочу написать роман.

– Я бы мог вам, конечно, дать задание, – продолжал Сергей Сергеевич, выводя меня из грезы, – но видите ли, будет лучше, если вы сами найдете для себя какую-нибудь тему и мы выпишем вам командировку. Полистайте пока наш журнал, подумайте, а когда выберете тему, приходите.

Я пошел в библиотеку и затребовал для себя годовой комплект ковалевского журнала. Это был действительно очень любопытный журнал, он печатал всех без разбору: митрополитов, пропагандистов, партийных работников, мулл, шаманов, какую-то экзотику в набедренных повязках, там была превосходная статья о Туринской плащанице, математически доказывающая, что истина с Христом не расходится, была там даже статья профессора Грушева, называвшаяся, между прочим, «Беседы о нравственном значении атеизма», не было только в этом журнале места для меня с моей сумятицей в голове. В конце концов, промаявшись две недели, я позвонил Ковалеву и сказал, что буду писать про Оптину пустынь, о которой я помнил из курса по истории русской литературы.

Сергей Сергеевич велел мне приехать и мягко поинтересовался, как мне видится этот материал и что я знаю вообще о знаменитом монастыре. Оказалось, что знаю я о нем еще меньше, чем о нравственном значении атеизма. Сергей Сергеевич поцокал языком, назвал десятка полтора почтеннейших известных и неизвестных мне имен и сказал:

– Я, конечно, могу послать вас в Оптину, но дело в том, что ее скоро отдадут церкви, о чем, правда, – он понизил голос и со значением посмотрел на меня, – иерархи еще не знают. Так что давайте пока эту тему не трогать. А я вам предложу нечто другое. Мы получаем очень много писем от верующих, просьб им помочь и, как можем, помогаем. По всякому письму корреспондента не пошлешь, но вот у меня письмо, в котором есть что-то настораживающее. Действительно, надо разобраться.

Впоследствии оказалось, что и на старуху бывает проруха, в этот раз чутье моему собеседнику изменило, но это было впоследствии, а пока я читал письмо.

«Уважаемые товарищи! Пишет вам учитель Ювашиной средней школы из Чувашской АССР. У нас в селе живет старушка Мария Пахомовна Сырова, солдатская вдова. Старушка попала в беду, а помочь ей никто не хочет, местные власти ее запугивают. Уверен, необходимо вмешательство вашего журнала. Всех обстоятельств в письме изложить не могу, пришлите вашего корреспондента, пусть он на месте разберется. Сделайте доброе дело, и люди вам спасибо скажут.

Член КПСС с 1956 года А.П. Кулаков».

– Вот такое загадочное письмо, – заметил Сергей Сергеевич, – и знаете, думаю, там действительно какая-то нехорошая случилась история. Да и по письму чувствуется, что писал его совестливый человек. В деревне это часто бывает, что учитель – человек честный и один за правду выступает. Так что вы поезжайте, у вас будут самые широкие полномочия, разговаривайте с кем считаете нужным – райком партии, исполком, все что угодно. В случае необходимости езжайте в Чебоксары в Совет по делам религии. Словом, главное – разберитесь на месте, помогите. А потом очерк напишите. Получится у вас материал – будем с вами работать.

Он выписал мне командировку, и я ушел от него в странном возбужденном состоянии и стал разглядывать свое удостоверение внештатного корреспондента, но чувство у меня было такое, будто я не корреспондент, а какой-то самозванец и ничего хорошего из моей поездки не выйдет.

С грехом пополам, не зная, у кого и как спросить, где находится школа, и, вероятно, безмерно удивляя жителей Ювашина, я дошел наконец до школы и спросил у какой-то испуганной ученицы, как мне найти учителя истории. По дороге я много думал об этом человеке, пытался представить, как он выглядит и что за таинственная история, о которой нельзя написать в письме, могла здесь случиться, я даже помышлял о своей удаче, о том, что сумею написать потрясающий очерк, – и вот из класса вышел невысокого роста человек в поношенном костюме и очках с сильными линзами, и мы оба обомлели. Он – вероятно, оттого, что ожидал увидеть кого-нибудь посolidнее (в свои двадцать два года я был похож на десятиклассника, это меня убивало и служило источником всяческих моих огорчений и недоразумений, пробовал я было отращивать бороду, но она росла клочками, и я был вынужден от бороды отказаться), а я – оттого, что учитель был как две капли воды похож на того самого профессора атеизма Грушева и еще, почему-то пришло мне в голову, на великого обманщика Гудвина – волшебника Изумрудного города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.